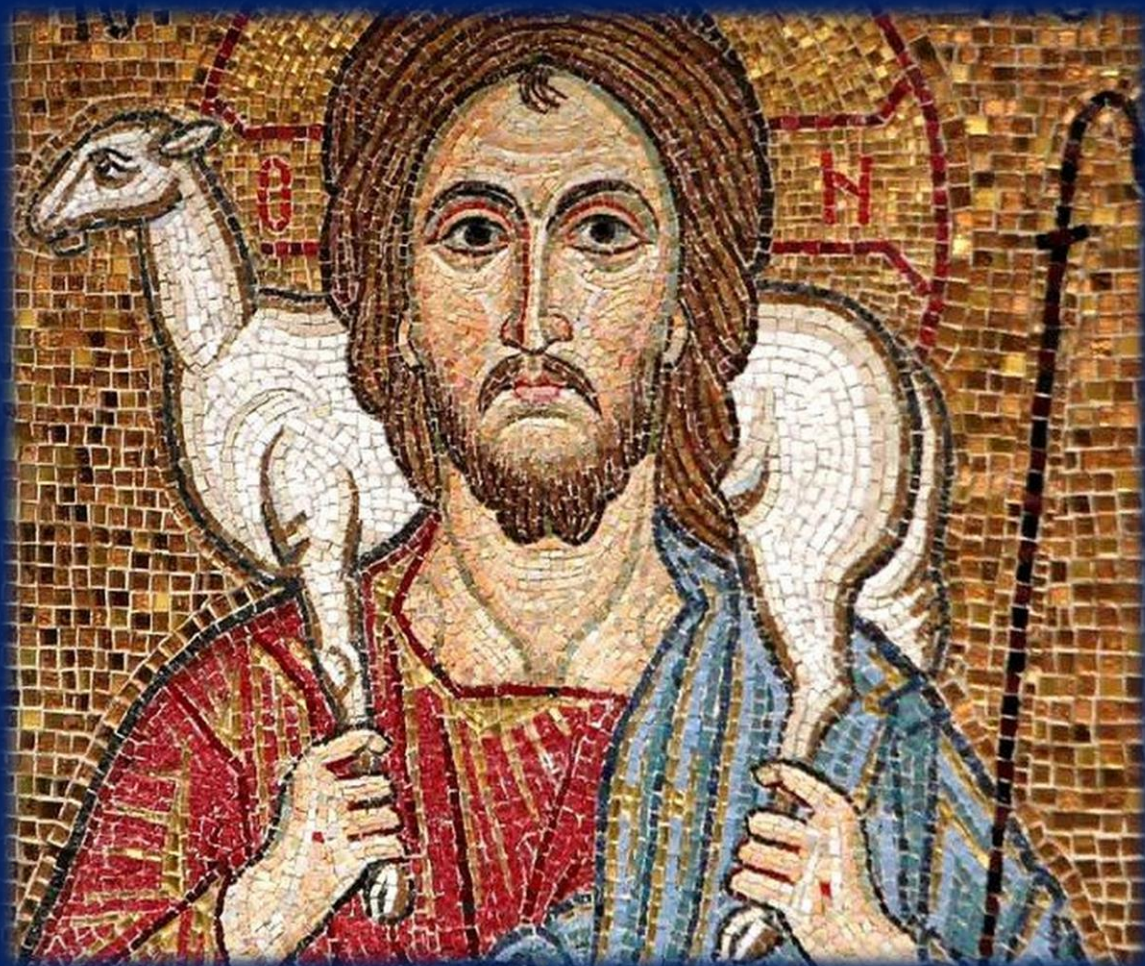

Не бойтесь!..

Священник Дмитрий Шишкин

Как мало у нас доверия Богу! У всех, даже у сознательно верующих и старающихся жить церковной жизнью. И от этого недоверия возникает многое беспокойство, страх не духовный, но плотской, когда человек переживает чрезмерно обо всем, думая: а как вот это будет, а вот это?.. Так и вспоминается солдат Швейк с его веселой бодростью: «Пусть будет, как будет – ведь как-нибудь да будет. Никогда так не было, чтоб никак не было»... Шутка, конечно, но для нас в ней заключена глубокая истина: упо-

вающий на Господа не посрамится вовек. И преподобный старец Амвросий Оптинский говорит: «Жить проще – лучше всего. Голову не ломай. Молись Богу. Господь всё устроит, только живи проще. Не мучь себя, обдумывая, как и что сделать. Пусть будет – как случится, – это и есть жить проще». Вот будем об этом помнить, стараясь блюсти себя и во всем совершенно полагаясь на Господа, Который знает, какими путями нас вести ко спасению и в какое время и как разрешить от уз плоти, чтобы даровать благодатную вечность.

Была у нас на приходе семейная пара: Володя и Таня. Оба в том возрасте, когда о старости говорить еще рано, а о совершенной зрелости – в самый раз. Таня – регент, Володя не пел, а стоял всегда возле притвора и молился со смирением и благоговением. Это видно, кто как относится к службе. Они – разные, как это бывает часто в согласных семьях, точно дополняют друг друга. Таня – бойкая, живая, общительная, а Володя молчалив и собран, точно погружен всё время в какие-то свои думы, но думы светлые, очевидно, потому что лицо его обыкновенно было безмятежно и мирно.

У обоих были свои «истории житейских мытарств», у обоих этот брак был не первым, но – по-настоящему счастливым. Только детей у них не было, и жили они вдвоем, полагаясь во всем на Бога, конечно, ну и друг на дружку с той особенной трепетностью, которая свойственна семейным парам в преддверии грядущей старости. Везде

они старались ходить вдвоем, а уж на службу и со службы – это всенепременно. И столько в этом простом хождении в храм и обратно вдвоем было тихой, но настоящей силы и радости, что только и думаешь, глядя на них: вот побольше бы было таких пар – и молодых, и среднего возраста, и пожилых. Но, увы, не часто такое единомыслие встречается, особенно в наше раздрызганное и беспокойное время. Мало семейных пар и не только у нас на приходе, но и вообще в православных храмах, очень мало по сравнению с тем, сколько их могло бы и должно быть... Ну да это отдельная тема. А сейчас мы о Володе с Таней.

Подходит Володя и, как-то чуть дольше обычного задержавшись, просит прощения и смотрит в глаза

Итак, три года назад, аккурат в начале Великого поста, произошло нечто такое из ряда вон выходящее, что всех нас заставило как-то собраться и помогло иначе, серьезнее и глубже взглянуть и на пост, на само его содержание, и на себя самих. Итак, была последняя воскресная служба перед постом. День, когда мы вспоминаем изгнание Адама из рая, а после Божественной Литургии совершаем чин прощения. И вот в благоговейной и скорбной, печально-возвышенной атмосфере этого богослужения, уже в самом ее конце стою я с крестом и прошу прощения у всех прихожан, подходящих по очереди ко кресту, и они просят прощения у меня и друг у друга. Трогательный обряд, напоминающий нам о непостоянстве этой земной жизни, о необходимости примирения со всеми прежде, нежели

начнем проходить поприще поста, а, возможно, с кем-то уже и не увидимся в этой, земной жизни. И вот среди прочих подходит Володя и, как-то чуть дольше обычного задержавшись, просит прощения и смотрит в глаза, ожидая ответа. Как-то всё это очень быстро произошло, но и неуловимо – особенно. Я это про себя отметил. Попростились мы с ним сердечно, попрощались, и дальше пошли прихожане сокрушенной, но и как-то радостно оживленной вереницей. Всё-таки еще не сам пост: воскресенье, и заговины, и праздник...

Чин прощения.

Служба окончилась, прихожане разошлись, а я уехал домой в Симферополь.

Наступила первая ночь Великого поста. Около пяти утра я проснулся и не мог уснуть. И вдруг в начале шестого звонок от регента Татьяны: «Батюшка, молитесь, Володе плохо, он умирает. Молитесь, батюшка!» Я встал на молитву, а через пять минут Татьяна перезвонила: «Володя умер!» Вот так. Вчера только – в Прощеное воскресенье – он был в храме, молился со всеми, подходил ко кресту и просил прощения...

После службы, на обратном пути ему стало плохо. Прямо на полдороге они остановились с Татьяной возле участка, где мы предполагаем строительство нового храма, и ни туда – ни сюда... Приехала местная «Скорая» с барахлящим кардиографом. Сделали худо-бедно кардиограмму; кажется, врачи сами не смогли в ней ничего разобрать, сделали укол и... уехали. Татьяна попросила хоть до дома подвезти мужа. Сказали: «Мы по домам не развозим...»

Кое-как «от столба к столбу», по выражению Татьяны, добрались до дома, а в полшестого утра Володя умер. Вот такое начало поста.

В этот день мы читали в храме канон Андрея Критского. Все были оглушены вестью о внезапной и неожиданной смерти Володи, но не сказать, что подавлены: напротив, всех нас объединяло необыкновенное чувство – особенное, подлинное... чувство реальности смерти и жизни, по-

каения и вечности, присутствия Бога и Его всеблагого Промысла.

Как это глубоко: попросить у всех прощения, попроситься по-христиански и – отойти в вечность

Я всё думал: как это удивительно промыслительно и глубоко: попросить у всех прощения, попроситься по-христиански и – отойти в вечность. Это ведь очевидная милость Божия. Сам себе такую кончину благодатную разве что придумаешь, но не больше того. Это – всецело в руках Божиих... Мне было удивительно, и радостно, и умилительно осознавать, что Володя сподобился такой христианской кончины. А для нас всех – присутствующих в храме в первые дни поста и молящихся – скорбные и святые песнопения и чтения точно заново открылись в своей потрясающей глубине. «Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается, и имаши смутитися, воспрани убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй...»

Ведь мы часто довольно поверхностно воспринимаем даже богослужебные тексты, удивительно глубокие и проникновенные по содержанию. И дело, конечно, в нас самих, в нашем привычно житейском «формате», мелко-вато-суетном, который мешает нам быть по-настоящему внимательными, чтобы сродниться с глубиной святых мыслей и чувств. Вот для чего еще и нужны дни поста – чтобы преобразиться душой и духом, сделаться причастными этой божественной глубине. И вот в эти первые дни

поста, когда весть о внезапной кончине Володи объединяла нас и отсекала всё лишнее, суетное, – вся служба воспринималась особенно. Словно Володя по благоволению Божию самой своей смертью помог нам собраться с духом и глубже осознать, почувствовать значение святых и великих дней. А когда во вторник Володю принесли в храм и мы служили рядом с гробом... ну что тут сказать. Наши чувства поймет и... – вот странные сейчас слова скажу – порадуетя за нас, наверное, только верующий. Поймет и порадуетя, потому что все эти чувства – реальности смерти, но не смерти-конца, а смерти-торжества, перехода в иную, благодатную и радостную жизнь, чувство значимости покаяния и ценности благодатной жизни – все эти чувства ни в коем случае не получится назвать мрачными. Они, несомненно, светлые, создающие совершенно особенный настрой.

В среду, 20 марта, мы Володю отпели в храме, а на следующий день Татьяна Ивановна позвонила, ей хотелось поговорить, как-то облегчить, разделить свою скорбь...

- Это были лучшие годы моей жизни, – рассказывала она.
- Он так любил храм, так любил молитву... Всё молчит,

бывало, дома. Я говорю: «Володечка, что ж ты молчишь? Может, обиделся на меня за что?» А он: «Что ты, Танечка, я молюсь просто». В другой раз говорит: «Знаешь, если бы я знал, какая это благодать, радость – православная вера... если бы я это раньше знал, в юности, – я, наверное, монахом бы стал». А сегодня мне сестра позвонила. Говорит: накануне воскресенья снится ей сон. Вроде Пасха, и приходим мы с Володей к ним в гости. И такие мы красивые, нарядные, радостные... особенно Володя. Поклонился, всех с праздником поздравил. А потом я вроде как говорю: «А у нас еще одна радость: Володя наш поет» (а он никогда на клирос не поднимался, всё внизу стоял, позади всех). И сестра вроде как спрашивает: «Правда, Володя? Так спой же нам». А он говорит: «Нет... не сейчас. Я вам потом спою, когда мы все вместе соберемся». Такой сон был удивительный, радостный. Светлый...

Потом был девятый день, и мы служили в храме панихиду, а после поминали Володю постной трапезой. Пришло человек 40... Всё-таки любили и его, и Татьяну, супругу его, за их доброту и простоту. И вот что еще в этот день рассказала бабушка наша, чтица Александра:

– Он всегда после службы помогал мне. На выходе из храма ступенечки, вот он меня всегда дождетя, руку подаст, поможет спуститься. Вот и в этот раз – в Прощеное воскресенье. Он меня дождался, я за руку его взяла... крепко так, и вот он меня по ступенечкам спустил, тоже мою руку сжал так... сердечно и вот – смотрим мы друг

другу в глаза, и я ему говорю: «Ну что, Володечка, прощаемся... в последний раз». Сказала и сама испугалась: что это я такое говорю? А он и не удивился ничуть. Попросили мы друг у друга прощения и пошли по домам.

Удивительная смерть Володи произвела на всех нас неизгладимое впечатление. Но жизнь постепенно вошла в свою колею с ее повседневными заботами. Татьяна Ивановна, желая больше времени уделять храму и богослужению, совершенно оставила работу, где «подрабатывала к пенсии», и с головой погрузилась в регентскую жизнь. Видно было, что ей это доставляет несказанную радость и утешение. Но вот в разговорах с ней стала всё больше проскальзывать тема тревоги и беспокойства.

– Батюшка, – каялась она, – одинокой старости боюсь, беспомощности

– Батюшка, – каялась она, – знаете, чего я больше всего стала бояться теперь? Одинокой старости... беспомощности. Вот боюсь и всё, понимаю, что это маловерие, каюсь, но всё равно страшусь. Помолитесь за меня...

Я молился, как мог, а Татьяна Ивановна раз за разом всё исповедовалась в своем страховании. И Господь услышал.

Со дня преставления Володи прошло два года. Снова был Великий пост, только на этот раз он приближался уже к концу. До Светлой Пасхи оставалось пара недель, и тут вдруг наш район Бахчисарайский охватила страшная эпидемия гриппа, опасного своими внезапными и тяжкими

осложнениями. Несколько человек переболело в кругу моих знакомых, а в конце концов и я сам. И вот что скажу: мне и раньше случалось болеть гриппом, но никогда еще мне не было так плохо и никогда я так реально не чувствовал себя близким к смерти. Но милостью Божией обошлось. Однако среди прочих заболела и наша Татьяна Ивановна. Она заболела, но до последнего, уже в жару, всё продолжала приходить на клирос и петь, потому что службу кроме нее вести было некому. В воскресенье она исповедалась и причастилась, но через пару дней грипп скосил ее окончательно, и она слегла. На следующий день попала в больницу. Вечером я позвонил ей, спросил, как ее самочувствие. Она была бодра, как обычно, приветлива и сердечна, благодарила за внимание и говорила, что ей уже гораздо лучше...

А утром позвонила одна из прихожанок и сообщила:

– Отец Димитрий... Мне прямо страшно и говорить, но только что сообщили.... Танечка наша умерла в больнице. Внезапное осложнение, отек легких...

Смерть помогла нам глубже переживать духовное значение и смысл этих скорбных и светлых дней

Такого не ожидал никто. Но по обстоятельствам и ощущениям – это было очень похоже на то, какую весть принесла нам два года назад смерть Володи. «Не бойтесь! Только веруйте!» Точно Володя там, на небесах, умолил Господа, чтобы Он и рабу Свою Татиану призвал от этой мно-

гомятежной жизни в вечную и безмятежную радость. И снова был пост, снова было особое сокрушенное состояние духовного единства, и по-особенному воспринимались службы Страстной седмицы... и снова Танечка, как и Володя два года назад, помогала нам всем переживать глубже духовное значение и смысл этих скорбных и светлых дней.

А потом была Пасха – ликующая, святая! И я всё вспоминал сон, о котором рассказывала Татьяна, и думал о том, что теперь уж точно они там вместе с Володиёй «поют», и осознание это радостью отзывалось в сердце и вещало: не бойтесь смерти, только живите по-Божески и доверяйте Ему. Потому что Он любит нас больше, чем мы можем себе представить, больше, чем мы любим сами себя!

Священник Димитрий Шишкин